

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917)

В статье на основе анализа доклада окружного инспектора училищ Приамурского края Н. С. Иваницкого (1914) и материалов дальневосточной периодической печати 1914–1917 годов рассматривается эволюция социального положения народных учителей Приамурского генерал-губернаторства в годы Первой мировой войны. Выявлены ключевые факторы, определявшие статус педагогов: крайне низкое жалование, мобилизация учителей и задержки выплат. Показаны попытки самоорганизации учительства, а также рост общественной активности, завершившийся Первым съездом учителей Дальнего Востока в апреле 1917 года.

Ключевые слова: Первая мировая война, Приамурское генерал-губернаторство, народные учителя, социальное положение, материальное положение.

Первая мировая война (1914–1917) стала тяжёлым испытанием для всех общественных структур Российской империи. Одним из наиболее пострадавших секторов оказалось народное образование, а положение народных учителей стало особенно уязвимым. В Приамурском генерал-губернаторстве, которое располагалось вдали от фронта, сложился целый комплекс проблем: крайняя удалённость от центральных районов, слаборазвитая инфраструктура и хронический дефицит квалифицированных педагогов.

Историография по теме «Изменение социального положения народных учителей Приамурского края в период Первой мировой войны (1914–1917)» носит фрагментарный характер. К числу фундаментальных работ, позволяющих реконструировать общероссийский контекст, относится труд И. В. Фомичёва. В своей докторской диссертации «Проблемы народного образования в России в условиях Первой мировой войны (август 1914 – октябрь 1917 г.)» он комплексно проанализировал состояние народного образования в военный период, мотивы и содержание реформы системы управления, изменения в структуре органов народного просвещения, а также затронул вопросы кадрового обеспечения и материального положения учителей [14]. Особое значение для понимания региональной специфики имеет монография В. В. Романова «Из истории становления системы образования в Приамурье». В ней автор на основе широкого круга источников проанализировал процессы

формирования школьной сети [12]. Важные аспекты взаимосвязи школьной жизни и общественных настроений на Дальнем Востоке в период войны и революции исследованы Т. З. Позняк [11].

Значимым источником для изучения положения учителей накануне Первой мировой войны служит доклад окружного инспектора училищ Приамурского края Н. С. Иваницкого «Нужды народного образования в Приамурском крае» (1914). В документе представлен детальный анализ материального положения педагогов, включающий расчёты их доходов и расходов, а также предложения по повышению окладов. Кроме того, в докладе фиксируется острая нехватка педагогических кадров в регионе [5].

Ценную информацию содержит дальневосточная периодическая печать 1914–1917 годов. В ходе исследования были проанализированы газеты «Дальний Восток», «Приамурская жизнь», «Далёкая окраина», «Амурское эхо». Газеты фиксировали настроения учительской среды от патриотического подъёма 1914 года до разочарования и радикализации в 1916–1917 годах. Особую ценность представляют письма в редакцию, подробные отчёты о съездах учителей (апрель 1917 г.), а также публикации, отражавшие конфликты между педагогами и начальством.

До начала военных действий окружной инспектор училищ Приамурского края Н. С. Иваницкий в своём докладе указывал на системный кризис в сфере педагогических кадров. Наиболее острой проблемой являлся крайне низкий уровень оплаты труда учителей. Н. С. Иваницкий писал: «Скудное вознаграждение учительского труда, тяжёлые условия жизни и службы в сёлах... заставляют наиболее способных и предприимчивых учителей бросать учительскую службу» [5, с. 26]. На основе рыночных цен он подсчитал минимальный годовой расход одинокого учителя во Владивостоке, Никольск-Уссурийском и Ольгинском уездах: от 475 до 590 рублей (продовольствие, одежда, поездки). При этом оклад составлял 600 рублей в год. В более отдалённых и дорогих районах: Иманском и Хабаровском уездах, Амурской области, годовые расходы достигали 550–680 рублей, а в Благовещенске и вдоль Амурской железной дороги доходили до 700 рублей [5, с. 31]. Дефицит доходов относительно расходов приводил к тому, что учительского жалования едва хватало на самое необходимое. Учителя фактически находились в состоянии постоянной материальной нужды.

Н. С. Иваницкий предложил комплекс мер по улучшению материального положения учителей на Дальнем Востоке, предусматривающий повышение окладов в зависимости от региона службы. Наибольшее повышение

предлагалось провести в Сахалинской области (учителям — до 900 руб., заведующим — до 950 руб.), что отражало учёт сложных климатических и бытовых условий региона. В менее отдалённых уездах (Владивосток, Ольгинский, Никольск-Уссурийский) размеры окладов планировались ниже: учителям одноклассных училищ — до 650 рублей, заведующим — до 700 рублей. В Иманском и Хабаровском уездах и Амурской области учителям — до 700 рублей, заведующим — до 750 рублей. Кроме того, он предлагал дополнительные меры поддержки: предоставлять учителям компенсации за проезд и путевые расходы, продовольственное обеспечение и надбавки к заработной плате за выслугу лет. Эти меры поддержки были направлены на долгосрочное закрепление педагогических кадров в регионе [5, с. 33].

Тяжёлое материальное положение и бесправие учителей ярко иллюстрирует случай, описанный в газете «Амурское эхо» от 26 июля 1916 года. Учитель Г. Матвеев, прослуживший 24 года, вынужден был уйти со службы из-за конфликта с инспектором народных училищ Кульвановским. Инспектор предложил ему выбрать «из двух зол меньшее» — быть уволенным с 1 мая без прошения или подать прошение об увольнении с 1 августа. Матвеев выбрал последнее. Конфликт возник на почве несогласия учителя с порядком проведения педагогических курсов при училище. Когда курсисты явились без предварительного уведомления, Матвеев отказался их принять, ожидая официальных указаний инспектора и обсуждения на педагогическом совете. Однако инспектор запретил выносить вопрос на совет, заявив, что он «обсуждению не подлежит, а подлежит лишь к принятию к сведению и исполнению». Более того, когда Матвеев попросил пригласить на заседание совета руководителей курсов для выяснения всех деталей, Кульвановский ответил отказом: «этого я не могу сделать», объяснив, что это «унижает руководителя курсов». Матвеев воспринял этот ответ как глубокое оскорбление не только лично себя, но и всего учительства. Он писал: «Инспектор смотрит на начальных учителей как на касту париев, у которых даже прикосновение представителя другой касты почитается нечистым». Возмущённый до глубины души, он заявил, что отныне не пойдёт ни на какие компромиссы и будет рассматривать школьные вопросы с педагогической, а не «кастовой» точки зрения. После этого инспектор начал систематическое давление на учителя: последовали выговоры, доносы окружному инспектору, угрозы «неприятностями со служебной точки зрения». Кульвановский требовал, чтобы Матвеев «загладил вину» и «устранил вредные последствия» своего поступка, причём формулировки были расплывчатыми. Не добившись

покорности, инспектор организовал внезапную проверку в классе Матвеева и сделал запись в классном журнале о плохой подготовке учеников. Под градом «репрессий», доводящих до нервного срыва, Матвеев потерял возможность нормально работать. Он подчёркивал, что его класс в начале декабря был ещё не готов к окончательной оценке, и к концу года, несмотря на скверные условия, успеваемость стала удовлетворительной. Однако инспектор уже добился своего. Учитель был вынужден подать прошение об увольнении. Описанный в газете инцидент с учителем Г. Матвеевым служит наглядной иллюстрацией системного кризиса в сфере народного образования Российской империи начала XX века. Этот случай демонстрирует, что тяжёлое материальное положение учителей дополнялось их бесправным статусом в бюрократической иерархии. Произвол начальства и отсутствие механизмов защиты подрывали основы народного образования. Эти факторы не только усложняли работу отдельных педагогов, но и угрожали стабильности всей образовательной системы Российской империи в военное время [3].

Принятие 27 июня 1916 года закона о передаче начальных училищ казачьих войск, включая Амурское и Уссурийское, в ведение Министерства народного просвещения, безусловно, стало важным шагом к улучшению положения учителей. До этого казачьи школы содержались на средства казачьих войск, и с введением сухого закона в 1914 году они лишились привычного источника доходов, что поставило их на грань закрытия. В этом же году в свет выходит закон, который отражал попытку государства решить проблему кадрового обеспечения школ через систему централизованных выплат и социальных гарантий, установив для учителей систему надбавок за выслугу лет и квартирные деньги [8]. Однако его реализация столкнулась с объективными ограничениями военного времени. Приоритетное финансирование получала армия, тем самым доля средств на образование сокращалась. Несмотря на введение 30-процентной прибавки к содержанию учебного персонала краевых учительских семинарий, её положительный эффект был сведён на нет инфляционным ростом цен. Сложная система распределения средств замедляла их поступление на места, отдалённые территории получали финансирование с задержками. Как отмечалось в газете «Далёкая окраина», в статье «Забытые учреждения», выделенные кредиты месяцами задерживались на уровне окружного инспектора и не доходили до адресатов. При этом административные задержки трудно было оправдать масштабами региона — в крае действовало всего три семинарии: «нужно не забывать, что семинарии до сих пор живут “старыми штанами”, которые и

в нормальное время признаны не соответствующими потребностям жизни» [4]. Несмотря на определённые улучшения в законодательстве, направленные на поддержку педагогов, системный кризис материального положения учителей так и не был преодолен. Это подрывало престиж профессии и осложняло кадровое обеспечение образовательных учреждений.

Открытие Дома учителя в Хабаровске 29 августа 1914 года — яркий пример того, как педагогическое сообщество Приамурья вынуждено было самостоятельно решать свои профессиональные и бытовые проблемы. Общество взаимопомощи, не дождавшись выделения казённых кредитов, начало сбор пожертвований, и здание было построено на частные средства. Дом учителя стал центром профессионального общения, местом проведения лекций и курсов повышения квалификации [12, с. 32].

В период Первой мировой войны наблюдался заметный рост интереса населения к чтению и просветительским мероприятиям. Как сообщалось в газете «Приамурская жизнь» от 1 ноября 1915 года, в военных условиях и после принятия сухого закона увеличилось количество посетителей библиотек, возрос спрос на книги и периодические издания. Ключевую роль в развитии просветительского движения в Хабаровске сыграло Общество содействия народному просвещению. Организация предприняла комплекс мер для удовлетворения растущего спроса на знания и культурный досуг. Общество содействия народному просвещению в Хабаровске пополняло библиотеки-читальни, пригласило опытного режиссёра Г. П. Ростова для постановки спектаклей, организовывало лекции и народные чтения. Учителя составляли ядро этого общества и выступали в роли лекторов, библиотекарей и организаторов [15].

В марте 1916 года Общество содействия народному просвещению предприняло попытку организовать строительство Народного дома в Хабаровске. Для этого было созвано общее собрание, на котором планировалось заложить первый камень, утвердить инструкцию и избрать председателя и членов строительной комиссии. Явка оказалась катастрофически низкой. Из многочисленных членов общества явилось лишь 20 человек. Ожидание в течение двух часов не привело к увеличению состава участников, и обсуждение началось с тем же количеством людей. С самого начала возникли сомнения в легитимности собрания. Один из членов правления, г-н Загибалов, поставил вопрос: «Стоит ли при таком малом количестве участников принимать важные решения и нужно ли вообще избирать председателя?» Он предложил вместо официального заседания провести частное совещание,

чтобы выяснить, насколько остальные члены общества действительно заинтересованы в Народном доме. Большинство поддержало его мнение: «обсуждать строительство на этом собрании не стали, а сам вопрос отложили». В неформальной беседе участники пытались найти способы преодолеть равнодушие своих коллег. Пессимистические настроения преобладали. Один из них, г-н Ястребков, считал, что единственный выход — отложить строительство на неопределённый срок. Однако нашлись и те, кто напомнил, что «любое полезное начинание всегда продвигается усилиями небольшой группы энтузиастов, а не всей массой». Именно они, по их мнению, и должны брать на себя ответственность. В итоге было решено не отказываться от идеи, а попытаться активизировать участников общества. Председательствовавший г-н Збайков предложил составить письменное обращение ко всем членам, в котором надо было дать объяснение важности проекта и призвать к участию в нём. Это обращение поручили подготовить нескольким присутствующим, а затем разослать по почте и опубликовать в местных газетах [6]. Описанный эпизод с собранием Общества содействия народному просвещению в марте 1916 года является не просто локальным событием из истории культурного строительства в Хабаровске, а важным маркером глубинных изменений в социальном положении народных учителей Приамурского края в годы Первой мировой войны.

Народные учителя Приамурья активно участвовали в помощи фронту и семьям мобилизованных: устраивали патриотические вечера, ставили спектакли, шили бельё для воинов, находившихся на передовой. Учителя также активно участвовали в деятельности обществ взаимопомощи, которые занимались строительством учительских домов, общежитий для учащихся и развитием библиотек. Их деятельность выходила далеко за рамки профессиональных обязанностей и охватывала как патриотическое воспитание, так и практическую помощь обществу. По мере продолжения Первой мировой войны заметно изменилась мотивация общественной поддержки фронта. Если в 1914–1915 годах благотворительные акции и помощь армии носили преимущественно патриотический характер, то к 1916 году доминирующим мотивом стала личная связь с фронтовиками [1; 10].

Мобилизация учителей в годы Первой мировой войны спровоцировала острый кадровый кризис в системе народного образования. Дефицит педагогических кадров побудил профессиональное сообщество активнее добиваться улучшения своего правового положения, в частности, получения отсрочек от призыва. До октября 1916 года Министерство народного

просвещения не могло получить от военного ведомства заключения на подготовленный циркуляр о предоставлении отсрочек учителям средних учебных заведений и учащимся учительских институтов [9; 15]. Это свидетельствовало о глубокой межведомственной несогласованности, которая обрекала учителей на призыв на общих основаниях.

Февральская революция открыла перед учительством Приамурья возможность для долгожданных перемен. Кульминацией этого подъёма стал первый в истории Приамурского края съезд учителей, проходивший в Хабаровске с 5 по 10 апреля 1917 года. Первый съезд учителей Приамурского края, собравший более тысячи педагогов со всего региона, стал беспрецедентным событием в истории местного образования. Впервые педагогическое сообщество самостоятельно сформировало президиум из своей среды, что символизировало важный этап политического и профессионального самоопределения. Этот акт ознаменовал переход учительства от роли пассивного объекта административных решений к статусу активного субъекта образовательной политики. Комиссар Временного правительства по делам Дальнего Востока А. Н. Русанов выступил на съезде с программной речью, развернув концепцию демократического местного самоуправления как основы нового государственного порядка. Съезд принял ряд резолюций, направленных на коренную реформу школы. Среди них были требование о передаче всех церковноприходских и миссионерских школ из ведения духовного ведомства в Министерство народного просвещения, а также объявление преподавания Закона Божия необязательным. Решения принимались практически единогласно, что свидетельствовало о консолидации учительства вокруг идеи демократизации образования. Педагоги видели в реформах возможность преодолеть бюрократическую зависимость и улучшить условия работы. Для организационного закрепления решений съезда комиссар А. Н. Русанов в конце апреля 1917 года издал специальный приказ, предписывавший учителям немедленно сформировать временные учительские комитеты во всех инспекциях края на основе выборного начала и коллегиального управления [7].

Хотя демократические преобразования после Февральской революции дали учителям возможность участвовать в управлении образованием, они не смогли решить базовых проблем профессии. Рядовой учитель в 1917 году получал зарплату в размере 58 рублей 80 копеек в месяц, что ставило его, по выражению газеты «Уссурийский край», в «условия полуголодного существования» [13].

Противоречие между расширением политических прав учителей после февраля 1917 года и неспособностью бюрократического аппарата оперативно решать их экономические проблемы стало ключевым фактором кризиса в сфере образования Приамурья. С одной стороны, педагоги получили возможность участвовать в управлении и формулировать требования. С другой — неэффективность бюрократического аппарата и финансовые ограничения государства не позволяли улучшить их материальное положение. Разрыв между политическими амбициями учительства и его реальным экономическим положением стал ключевым фактором радикализации части педагогического сообщества Приамурья в 1917 году. Часть педагогов, разочарованная в реформах Временного правительства, стала ориентироваться на большевистские лозунги, обещавшие радикальное решение накопившихся проблем [2, с. 17].

Таким образом, анализ социально-экономического и профессионального положения народных учителей Приамурского края в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года позволяет констатировать сложную и противоречивую динамику их статуса. С одной стороны, материальное положение педагогического сообщества не только не улучшилось, но и существенно ухудшилось под воздействием комплекса негативных факторов. С другой стороны, военные и революционные события послужили мощным стимулом для профессионализации и политизации учительства. Ключевую роль в этом процессе сыграла Февральская революция 1917 года, открывшая возможности для институционального оформления профессиональных интересов педагогов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. В женской гимназии // Приамурская жизнь. — 1916. — 16 марта (№ 2003). — С. 3.
2. Геласимова, А. Н. Плечом к плечу. Записки учительницы / А. Н. Геласимова. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1958. — 248 с.
3. Дело учителя Г. Матвеева // Амурское эхо. — 1916. — 26 июля. — С. 2.
4. Забытые учреждения // Далёкая окраина. — 1916. — № 3022. — С. 3.
5. Иваницкий, Н. С. Нужды народного образования в Приамурском крае / Н. С. Иваницкий. — Хабаровск : Тип. канцелярии приамур. генерал-губернатора, 1914. — 99 с.
6. К постройке народного дома // Приамурская жизнь. — 1916. — 15 марта (№ 2001). — С. 3.

7. Краевой съезд учителей // Приамурская жизнь. — 1917. — 6 апр. (№ 2296). — С. 3.
8. Начальное училище казачьих войск // Приамурская жизнь. — 1916. — 5 авг. (№ 2111). — С. 3.
9. Отсрочки учителям // Далёкая окраина. — 1916. — 16 окт. (№ 3089). — С. 3.
10. Патриотический концерт // Дальний Восток. — 1914. — 19 дек. (№ 282). — С. 5.
11. Позняк, Т. З. Школа как отражение общественных настроений в годы Первой мировой войны и революции на российском Дальнем Востоке / Т. З. Позняк // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России. — Хабаровск, 2014. — С. 98–112.
12. Романов, В. В. Из истории становления системы образования в Приамурье / В. В. Романов. — Хабаровск : Хабар. гос. пед. ун-т, 2003. — 146 с.
13. Труд учителей // Уссурийский край. — 1917. — 28 июля (№ 164). — С. 3.
14. Фомичёв, И. В. Проблемы народного образования в России в условиях Первой мировой войны, август 1914 – октябрь 1917 г. : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / И. В. Фомичёв. — Москва, 1999. — 455 с.
15. Хабаровская жизнь // Приамурская жизнь. — 1915. — 1 окт. (№ 1874). — С. 3.